

З.Е.Кабульдинов

*Научно-исследовательский центр «Евразия»,
Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана (E-mail: Kabulzia@rambler.ru)*

О попытках создания казахами Правобережья Иртыша самостоятельных органов национального управления

В статье рассмотрена на основе письменных и архивных источников проблема попыток создания правобережными казахами Иртыша самостоятельного органа национального управления применительно к первой половине XIX в. Отмечено, что проблемный аспект связан с отсутствием своего самостоятельного Управления у казахов Правобережья Иртыша. Автором подчеркнута что с начала первых переходов, вплоть до 1854 г., сложилась поистине уникальная ситуация, когда казахи не имели своего отдельного Управления. Доказано, что ни «Устав о сибирских киргизах» от 1822 г., ни «Положение» от 1838 г. не решили проблемы урегулирования порядка пребывания их на внутренней стороне.

Ключевые слова: казахи Правобережья Иртыша, самостоятельный орган, национальное управление, округ, губерния, волость, Степная Дума, Западно-Сибирский регион, старшина.

Как известно, в 1788 г., с официального разрешения царского правительства, на Правобережье Иртыша, на так называемую «внутреннюю сторону», перешло значительное число казахов степных районов Казахстана. Это было результатом длительной борьбы прииртышских казахов за возвращение на традиционные земли предков, оказавшихся на территории Томской и отчасти Тобольской губерний. По словам С.Б.Броневского, «есть теперь между ими и султаны, знатнейшие из них: Урусовы, Татеновы и Чанчаровы; старшин много весьма верных: Ботакан Куромсин, известен заслугами и богатством, Алкучуг, Бюрюбай, Айгуар и другие... Они по сие время (на начало 30-х годов XIX в. — З.К.) не несут никаких податей и повинностей» [1; 181].

Правобережные казахи занимали значительную территорию, расположенную между пограничной линией и крестьянскими селениями, когда «степь между рек Иртыша и Оби, на расстоянии 300–400 верст в ширину и около 600 в длину, будучи пустая, ненаселенная, ими наполнена» [1; 181].

В пребывании здесь казахов была одна примечательная особенность. С начала первых переходов, вплоть до 1854 г., сложилась поистине уникальная ситуация, когда казахи не имели своего отдельного Управления. Ни «Устав о сибирских киргизах» от 1822 г., ни «Положение» от 1838 г. не решили проблемы урегулирования порядка пребывания их на внутренней стороне.

В этих условиях правобережная султанско-старшинская группировка все это время неоднократно предпринимала ряд действий, направленных на создание своего Управления, так же как и прилагала усилия, целью которых была защита интересов своих подданных от посягательств различных ведомств царизма. Особенно эта активность проявилась после 1822 г., когда вышел известный «Устав о сибирских киргизах». Получался казус. В то время, когда на степной стороне стали один за другим образовываться внешние окружные приказы во главе со старшинами султанами из числа потомков Чингисхана, среди «верноподданных казахов», или казахов Правобережья Иртыша, царизм не предпринимал никаких действий, направленных на создание здесь местных управленческих структур.

Вот как описывает состояние этой группы казахов известный исследователь нового времени М.Красовский: «...кочуя вдали от линии сибирской и, напротив, постоянно находясь вблизи крестьянских селений омского, колыванского, барнаульского и бийского округов, киргизы эти, вследствие частых столкновений с крестьянами означенных округов, находились в большой зависимости от земских судов Тобольской и Томской губерний, нежели от пограничного начальника, именно потому, что за линию, обратно в степь, никогда не кочевали и поземельных угодий там никаких не имели, да, за недостатком земли, и не могли иметь,... таким образом, одна эта часть киргизов, подчиняясь и пограничному начальству, и земским судам двух губерний, и начальству горному, и начальству казачьему, находилась в каком-то странном, точно не определенном нашим законодательством положении» [2].

Об этом же писал и другой российский офицер — И.Ф. Бабков: «...можно себе представить, какое управление существовало при подобных порядках — в пограничном районе смешение властей и затруднение в разборе споров и обоюдных притязаний — когда каждый случай хищения или обиды требовал съезда двух начальств, подавал повод к обширной переписке и притом не о существе дела, но о его подсудности и образе производства...» [3; 109].

В условиях такого неопределенного положения интересы верноподданных казахов, как правило, брались защищать султаны — потомки Султанбета и крупные родоначальники. Например, в самом начале XIX в. (1809 г. — З.К.), когда генерал-лейтенант Глазенап затронул проблему возможного обложения правобережных казахов государственной податью, для защиты их интересов выступили влиятельный султан Татен Урусов и старшина подпоручик Айдарат Митбакин, которые в своем письме Глазенапу от 14 апреля 1809 г. писали: «...приняли мы намерение, народ нам подчиненной вступить в ясак, платить в год по 1 рублю с души мужского пола, к чему многие уже и соглашаются, но с тем только, чтоб не было брато с нас рекрут, гоньбы, подвод и так словом, кроме ясака, ни в какую службу не употреблять» [4; 6]. В этом же послании они просили Глазенапа также предоставить им право свободной торговли, которым в это время пользовались бухарцы, проживавшие на территории Тобольской губернии. По их мнению, если царизм пойдет навстречу их просьбам, то они готовы дать обязательства, что «вся Средняя Орда перейдет на вечное кочевье в границы нашего всемилостивейшего государя, ежели только будет достаточно земли» [4; 6 об.].

Конечно же, на рубеже XVIII–XIX вв., когда, кроме правобережных казахов и сибирских линейных казаков, другого населения, способного составить им конкуренцию, не было, царизм мог позволить себе активно приглашать на внутреннюю сторону степных казахов. Но в последующее время ситуация кардинальным образом поменялась.

Правобережная султанско-старшинская группировка, управляя своими подданными по традиционным степным законам, так же как и их левобережные соплеменники, в первое время особой необходимости в создании своего Управления не видела. Тогда они брались за решение любых, актуальных проблем своих подданных через традиционные институты управления казахского общества.

В частности, они, в условиях невмешательства царизма во внутреннюю их жизнь, без чьего-либо указания взяли на себя миссию по агитации правобережных казахов к уплате ясака. Это было ответом на предложение Глазенапа ввести среди верноподданных казахов государственную подать. Это хорошо видно из письма султана Чанчара Султанбетова на имя Глазенапа от 6 мая 1809 года: «...я, содействуя вашим намерениям, целую прошедшую зиму занимался оным, начиная от Семипалатинской крепости толковал обитателям на вечном кочевье старшинам и биям и почетным киргизам нашего народа о ясаке ...» [4; 9].

На наш взгляд, подобное рвение степных правителей объяснялось, в первую очередь, страхом быть выселенным на внешнюю сторону линии.

Кроме того, упомянутый выше султан брал на себя и миссию народного просвещения: «...выстроить еще небольшое... здание для училища на первый раз не более как человек на 30, по елику как вашему превосходительству известно, в народе нашем нет ни малейших следов к просвещению, но цель моя в жизни своей, по крайней мере, научить несколько молодых людей из хороших семейств, дабы настоящие познали бога и святых» [4; 11 об.].

Чуть позднее верноподданные казахи, внимая агитации своих султанов, обязывались даже уплачивать и трехрублевый ясак. Это видно из письма тому же Глазенапу от 11 февраля 1813 г. «Антей-Басентиновской волости султана майора Чанчара Султанмаметова, Кучук-Басентиновской волости султана титулярного советника Пшена Урусова, находящегося ныне управления киргизами Уваковской волости, Кучук-Басентиновской волости султана Арыка Урусова» и ряда других старшин [4; 27, 28].

Тогда же со стороны казахов были вновь высказаны просьбы о введении для них свободной торговли в приграничном районе [4; 24–29]. Но ходатайство Глазенапа, и «готовность» казахов об обложении их ясаком, и вопрос о получении ими разрешения на право свободной торговли были отклонены сибирским генерал-губернатором.

Во-первых, тем самым могли «ограничиться права торгующего там купечества», к тому же казахи занимались бы только «мелочным промыслом, никакого внимания не заслуживающим».

Во-вторых существовала определенная трудность сбора ясака с казахов, разбросанных на большой территории.

Но надо открыто признать, что царизм больше всего опасался, что верноподданные казахи могут нанести «важный вред пограничной торговле, которую прибрать в свои руки есть главная их цель» [4; 29 об.]. Забегая вперед необходимо отметить, что ясак начал вводиться впервые только лишь с середины века, а права на свободную торговлю они так и не получили.

Со временем ситуация заметно изменилась. В 1822 г. была отменена ханская власть в Среднем жузе, и управление постепенно переходило к старшим султанам, с созданием внешних окружных приказов, чего не могли не видеть их собратья на Правобережье Иртыша. Далее, по мере перехода других степных казахов на Правобережье Иртыша, усиливалось конокрадство, что могло заметно осложнить и без того взрывоопасную ситуацию в целом по региону, когда по вине вновь прибывших степных конокрадов могли выселить и самих «верноподданных казахов».

Нельзя было забывать и то обстоятельство, что царизм предпринимал активные шаги по причислению внутренних казахов во внешние степные волости, что не могло не беспокоить правобережных султанов и старшин.

И, наконец, в условиях окружения разными ведомствами — Алтайским Горным округом, казачьими и окружными властями Тобольской и Томской губернии — у верноподданных казахов появилась самая настоятельная необходимость защитить свои насущные права. Все это можно было осуществить в изменившихся условиях, только лишь имея собственное Управление.

Итак, одно из первых и обстоятельных обращений казахских султанов и старшин к царизму о создании у них своего отдельного Управления относится к 1834 г., когда «доверенные от общества верноподданных киргиз-султан 8-го класса Бопы Татенев, султан Досан Джанибеков, старшина Ибрагим Джанкпаев и прочие» написали обращение в адрес Омского областного начальника. Тогда они представляли интересы почти восьми тысяч хозяйств, будучи обеспокоенные тем, что «не видят постановлений, коими бы определены с точностью права и обязанности» их [5; 59, 60].

Внимательно изучая данное прошение, нетрудно догадаться, что его составители были хорошо осведомлены о состоянии законодательной базы, касающейся их пребывания на внутренней стороне: «...хотя во второй части Высочайшего учреждения об управлении сибирских губерний п.п.383 и 384 изъяснено, что каждый эскадрон со всеми землями оному отведенному и со всеми землями отставными казаками и киргиз-кайсаками на землях тех помещенными...» [5; 60].

Составители данного документа выражали свое категорическое несогласие с теми методами управления, которые использовались царизмом: «...линейное начальство, в ведении коего мы состоим, не постигая и даже не видя ясных постановлений о их нравах, приватно имеет надзор и управление ими...» [5; 60-об., 61].

Отсутствие своих властных структур у верноподданных казахов не могло не привести к тому, что ими пытались управлять самые различные ведомства: «...в разбирательстве дел их вступаются командующие редутами, станичные начальники, эскадронные и полковые командиры, коменданты пограничных крепостей и наконец земский суд со всеми его членами. Один делает так, а другие иначе, и от сего то самого происходят пагубные для нас последствия, и народ, заблуждаясь во многочисленности простираемых на него властей, поставлен в крайнее недоумение, кому из них в настоящем порядке должен повиноваться...» [5; 61].

Далее нетрудно догадаться, к чему клонили казахские султаны и старшины: «...заботясь о благе подведомственного нам народа и желая упрочить навсегда состояние свое, мы в общем собрании родоначальников и старейшин волостей, имели соображение и находя, что по разделу 3-го 24, 25, 35 и 68 п.п. Устава об инородцах киргиз-кайсаки суть кочующие инородцы и имеют одинаковые с ними права, признаем полезным правом в сем уставе изображенные, распространить и на управление народа их с некоторыми добавлениями и из Устава о киргизах» [5; 61,61 об.]. Как видим, казахские султаны и старшины, обеспокоенные отсутствием каких-либо юридических документов, прямо регламентирующих их социально-правовой статус на внутренней стороне, предлагали внедрить некоторый симбиоз двух Уставов: «Устав об инородцах» и «Устав о киргизах». Видимо, внутренним казахам, находящимся в таком специфическом, неуправляемом положении, был более виден дальнейший путь их прочного обустройства.

Особый интерес представляют для нас те конкретные просьбы, с которыми вышли авторы прошения на областного начальника.

Во-первых, они просили «оставить их всегдашнею кочевкою во внутренности Семипалатинского округа, учредить для управления народом... Степную Думу с тем, чтобы она состояла... из главного родоначальника и двух или трех заседателей от киргиз по выбору общества,

произведенному в порядке, предначертанном в 36, 37, 38 и 39 п.п. Устава о киргизах... подчинившись во всем Семипалатинскому общему Окружному Управлению...» [5; 61 об.].

Во-вторых, разделение волостей и порядок выборов они предлагали по образцу и подобию внешних округов, правда, с той лишь разницей, чтобы все избранные степняками должностные лица не получали от государства «никаких денежных выплат» [5; 62].

Думается, что последнее предложение было направлено не столько на то, чтобы не быть обременительным казне, сколько на сохранение относительной независимости от царского правительства.

В плане судебном они предлагали, чтобы уголовному преследованию подвергнуть внутренних казахов не только за государственную измену, убийства, грабежи, барымту и явное неповиновение властям, но и даже «самую же кражу». Видимо, предлагая ужесточающие меры к кражам, внутренние казахи пытались прекратить, прежде всего, конокрадство, ведь в случае распространения последнего казахов попросту выселяли в «заречную» сторону.

Дела уголовные они предлагали решать посредством назначения в суд (и расправу) «двух благонадежных заседателей из российских чиновников», а остальные дела решать «посредством» биев по казахским степным законам, без участия россиян [5; 62–63 об.]. В данном случае правобережные казахи, имея некоторое представление о негативном опыте усиления российского судопроизводства, пытались, со своей стороны, отстоять основные начала традиционного суда биев.

В случае принятия подобного Управления авторы прошения были согласны и на введение сбора ясака с их соплеменников. Не отказывались они и от перевозки корреспонденции и развоза чиновников, разъезжающих по служебным делам [5; 221.63 об.]. Как видим, по мере усиления давления царизма на правобережных казахов, они становились более «сговорчивыми», хотя в условиях начала XIX в. подобных уступок с их стороны мы не встречаем.

В данном юридическом документе авторы выступали и за выделение всем желающим пятнадцати десятинных земельных участков, правда, с четким разграничением от земель Горного ведомства, и, «указав разграничение для ясности планами», ни в коем случае не допуская казахов в пределы соседнего (Горного) ведомства. А для развития скотоводства составители прошения не преминули ходатайствовать о выделении им земель «по обеим сторонам Иртыша, коих без стеснения линейных жителей будет достаточно» [5; 64]. Конечно же, последние их предложения оставались в порядке обычных рекомендаций, так как царское правительство в лице своих региональных представителей никак не могло идти на «ущемление» прав сибирских казаков.

Для летних же пастбищ просили «на правах бродячих инородцев» определить целые полосы земель с разграничением от земель Горного и линейного ведомств. Не забыли они и о выделении мест для постройки мечетей [5; 64 об.].

И наконец, в дипломатичной форме было выражено их категорическое несогласие на предполагаемый перевод во внешние казахские округа: «...распоряжение Ваше о причислении всех нас по внешним округам, хотя сопряжено с благовидною целью правительства, но для наших верноподданных киргиз, приобщенных несколько лет обитать в мирном положении на местах, предоставленных правительством, весьма будет разорительно: ибо многие из них, обзаводясь здесь домообзаводством, должны лишиться всего того невозвратно и чрез то потерпят несчастье и убытки» [5; 65–65 об.].

Итак, в этом вполне обстоятельном прошении казахи выдвинули ряд просьб, среди которых наиболее важной было создание своего управления в виде Степной Думы. Кроме того, свое обустройство они видели в том, чтобы, учитывая особенности их жизни и быта, определить для них строго обозначенные права и обязанности, используя как «Устав о сибирских киргизах», так и некоторые положения из «Устава об инородцах».

Заметим, что правобережные казахи одними прошениями не удовлетворялись, а предпринимали действия к созданию Степной Думы, для чего они активно приглашали к себе казахов внешних округов. Например, в 1834 г., как это видно из донесения старшины Казангапа Сатыбалдина областному начальнику, около 100 хозяйств буринского рода Басентииновской волости, «будучи расстроены султаном Бопюю Татеновым, отложились в состав предполагаемого к учреждению в кочевьях верноподданных киргиз Степной Думы» [5; 115–115 об.]. Конечно, расчет Бопы Татенова был прост. Чем больше будет численность верноподданных казахов, тем будет выше вероятность создания Степной Думы. Хотя царизм не только не думал в ближайшее время пойти навстречу

султанам Правобережья Иртыша, но и в резкой форме предписал Татенову «не делать таковых расстройств» [5; 115].

Данное прошение послужило одной из причин отправки в районы кочевания верноподданных казахов одного за другим двух чиновников по особым поручениям — Татаринова и Трофимова, первого — в 1834 г., второго — в 1839 г. Их задача состояла, во-первых, в детальном исследовании возможности создания нового Управления со сбором сведений о численности правобережных казахов, количестве наличного у них скота, во-вторых, в исследовании особенностей их быта и расселения [5; 432]. Но решение данного вопроса сильно затянулось.

Подобное игнорирование царизмом требований и просьб казахских султанов и старшин, в первую очередь по вопросу создания Степной Думы на правом берегу Иртыша, не могло не заставить представителей верноподданных казахов писать в адрес высших руководителей региона все новые и новые прошения. Так, 16 мая 1842 г. в Омске было подано очередное прошение в адрес Председательствующего в Совете Главного Управления Западной Сибири от имени «верноподданных Басентииновских, Уваковских, Кипчаковских и Киреевских волостей» султанов: капитана Ханхожи Татенова, губернского секретаря Булена Чанчарова, Досана Джаныбекова, Валия Бопина, а также старшин и биев: поручика Ботакана Куромсина, прапорщика Токпана Айтуарова, Джилькильбека Кулбаева, Кулсары Исельбаева, Тасыбая Кулмурзина, Бикбау Иртышева, Базарбая Даулова, Кильдебека Тюлендина, Утеня Отарбаева и Нарбуты Матегулова [5; 431]. В частности, ими было заявлено: «...в тех началах гражданского бытия и способах к образованию и устройству наших киргиз, которые ныне служили примером благонравия, приверженности к российской самодержавной власти, послушанием, домообзаводством, устройством хлебопашества и умножением скотоводства, приобрели права на особенное внимание благонамеренного нашего Правительства, они чрез избранных своих давно ходатайствовали у здешнего главного начальства о учреждении у них особенной Степной Думы для управления всеми верноподданными киргизами, обитающими внутри Иртышской линии...» [4; 432].

В данном своем обращении депутаты от казахов были вынуждены отмечать: «...но мы доселе остаемся в неизвестности, какой конец будет сопровождать предположенную благодетельную для нас цель учреждения...» [4; 431].

Верноподданных казахов больше всего пугало то, что они в результате административных реформ 1838 г. могли оказаться выселенными во внешние казахские округа: «...между тем, имея в виду, что по Высочайше утвержденному в апреле 1838 года Положению об отдельном Управлении Сибирскими киргизами, Пограничному начальнику постановлено в обязанность склонять независимых киргиз к подчинению общему порядку вводимому в степи, в видах присоединения к внешним округам и удаления не принявших еще устройства, хотя не считаем себя в числе этих независимых киргиз..., но предполагая, чтобы сила и действия этого положения со временем не могли бы распространиться и на верноподданных киргиз — то мы по доверенности и единодушному желанию...приемлем смелость всепокорнейше просить Ваше Превосходительство, особенным Вашим письменным актом поставить нас, для объявления в народно, в сведение, в каком положении ныне находится дело в отношении учреждения у нас изъясненной Степной Думы...» [5; 432, 432 об.]. Кроме того, они просили руководителя Западной Сибири поставить даже «на Высочайшее Его императорского Величества благоусмотрение и утверждение» [5; 432 об.].

Но в данном случае дело об учреждении Степной Думы поступило на рассмотрение не к Российскому императору, а в Томское Общее Губернское Управление [5; 433, 433 об.], что не может не свидетельствовать о том, что региональная власть данный вопрос попросту саботировала или, по крайней мере, не торопилась его в скором времени решить.

Желание учредить у себя Степную Думу было среди правобережных казахов настолько велико, что через 14 дней это прошение почти без изменения было подано повторно, в том же городе Омске [5; 438]. Видимо, данная депутация продолжала оставаться в Омске, пытаясь получить какой-нибудь ответ, прежде чем вернуться к своим доверителям.

Далее страсти накалялись. Алтайское Горное Правление пыталось выселить казахов с земель своего ведомства, руководствуясь обвинениями казахов в конокрадстве. Не дождавшись ясного ответа от руководства Западной Сибири о судьбе Степной Думы, с прошениями на имя генерал-губернатора выходили и отдельные родоначальники, представляя свои узкородовые интересы. Например, весьма тревожное письмо на имя руководителя региона поступило от Тютте Нурекенова, выступавшего от имени одного только уаковского рода. Его письмо было датировано 28 июля 1842 г.

и было написано также в городе Омске: «...незадолго перед этим я утруждал Вас нижайшею просьбою, которая основана на доверенности нашего увакового рода киргиз, кочующих и постоянно водворенных домами в Барнаульском округе, об оставлении проживания нашего, впредь до распоряжения, на этих местах, по случаю принимаемым здешнею полициею мер к удалению нас вовсе с заводских земель... не соизволите ли Вы от лица своего, или кому приказать, снабдить нас открытым предписанием на беспрепятственное проживание на занимаемых ныне нами местах впредь до окончания сенокосения и уборки в обширном размере посеянного хлеба, или до общего распоряжения о всех верноподданных киргизах» [5; 440].

Обращение отдельных родоправителей к высшим руководителям Западно-Сибирского региона не может не свидетельствовать о том, что авторитет, в первую очередь, султанов, ранее представлявших интерес всех верноподданных казахов, резко падал. Царизм раньше, чем на степной стороне начал процесс планомерного «подтачивания» авторитета чингизидов Правобережья Иртыша. Видимо, царизм в условиях внутренних российских округов уже более ясно осознавал, что султаны свою миссию уже выполнили. Теперь осталось только простое игнорирование их прошений или открытый отказ выполнять их просьбы, с целью окончательно дискредитировать их в глазах своих доверителей. Приведенное выше письмо Тюйте Нурекунова является этому прямым свидетельством и доказательством.

Отсутствие у правобережных казахов своего Управления не могло не сказаться и на том, что следственные дела не находили своего быстрого решения. Одно только устное назначение генерал-губернатором Западной Сибири «управляющим всеми верноподданными киргизами» Ханхожи Татенова не могло заметно улучшить положения с оперативным решением судебных дел среди его «подданных». Он напоминал правителя без своего аппарата, судебных инстанций, силовых структур и отлаженной системы сбора налогов. Именуя себя подобным образом, султан Татенов не имел даже простого письмоводителя, не говоря о казаках, которые необходимы были ему при решении неожиданно возникавших проблем с вызовом отдельных казахов для ведения следственных дел. Об этом свидетельствует его прошение начальнику Штаба Отдельного Сибирского Корпуса генерал-майору А.А. Жемчужину от 26 февраля 1847 г., в котором он просит его предписать всем станичным начальникам, чтобы по требованию его не отказывали давать ему казаков для вызова нужных казахов и «с тем вместе в случае надобности давали бы и писаря» [5; 470]. На что, конечно, получил отказ, ввиду того, что как казаки, так и писари «имеют свои по службе назначения и не могут быть командированы к султану Татенову» [5; 469, 469 об.].

Иного ответа нельзя было и ожидать: царизм никак не хотел допустить усиления султанско-старшинской партии на Правобережье Иртыша. Нельзя, наверное, забывать, и то, что в это время шло восстание султана Кенесары Касымова, доставившего, кстати, немало хлопот региональным властям.

От того, что у казахов не было своего Управления, страдали не только они сами, но и приграничное с казаками крестьянское население Томской губернии. По вопросам конокрадства последние не знали, к кому обращаться. Это хорошо видно из жалобы крестьян Нижнекулундинской, Бурлинской, Кумышской, Карасукской и Юдинской волостей. Они не могли не отметить одну из самых главных причин их проблем в отношениях с верноподданными казаками: «...причиною углубляющегося время от времени хищничества киргиз должно почитать не что иное как не существование между ими никакого почти управления. Старшины их и бии им потворствуют... или не смеют разыскивать и предавать суду похитителей, опасаясь мести и баранты; линейное казачье начальство не имеет права вмешиваться в разборы претензий на киргиз, а земским чиновникам, в черте округов кои кочуют киргизы, не дано никаких средств к действиям в степи... в настоящее время имеются более 50 претендателей на киргиз, и все они не знают, куда обращаться со своими жалобами» [5; 476 об.].

Как видим, даже крестьянское население губернии считало нужным учредить у своих соседей отдельное Управление.

Ситуация с положением верноподданных казахов была осложнена и тем, что в 1846 г., после утверждения Положения о Сибирском казачьем войске, станичным казахам было предписано освободить войсковые земли. И снова 2 марта 1848 г. все тот же «управитель всеми верноподданными киргизами» Ханхожа Татенов вместе с родоправителями волостей: Басентиновской — прапорщиком Токпаном Айтуаровым, Киреевской — Семеном Танатбаевым, Уаковской — Бикбавом Иртышевым, Кипчакской — Кильдыбеком Тюлендиным были вынуждены обратиться к генерал-губернатору Западной Сибири Горчакову. Правда, теперь не по поводу учреждения Степной Думы, а

о разрешении на переселение на пустопорожные земли [5; 482, 482 об.]. Наверное, к этому времени казахские султаны и родоправители уже окончательно разуверились в создании у себя отдельного Управления, так же как и их подданные — в возможностях их «доверенных» добиваться каких-то уступок от местной колониальной администрации. Теперь перед султанами и старшинами встал более «важный» вопрос — любыми способами удержаться на Правобережье Иртыша ввиду усиления наступательной акции на них царизма. Вопрос о создании Степной Думы больше не поднимался и не мог подниматься.

Дальнейшая судьба верноподданных казахов, которых уже к этому времени (к 1847 г. — З.К.) насчитывалось 26 644 человека, продолжала оставаться нерешенной [5; 479].

Тяжелым для внутренних казахов был 1849 г., когда всем им было предписано не позже 1 июня заявить о своем причислении к внешним округам по принципу родопроисхождения, хотя и было объявлено, что они «могут кочевать на занимаемых ныне местах, с платежом в казачье войско законом установленный ремонтной пошлыны, при соблюдении правил, для перехода в внутрь линии изданных» [5; 489].

Данное решение было инициировано самим генерал-губернатором Западной Сибири, которое можно усмотреть из его распоряжения в адрес Пограничного Управления от 1 мая 1848 г. [5; 511 об.].

Получалось, что когда-то, исходя из геополитических интересов царизма значительная часть казахов была приглашена «на вечную кочевку» вовнутрь линии и более 60 лет не платила даже никаких податей, но теперь наступил момент, когда с ними можно было особо не церемониться, открыто «выталкивая» за линию. Правда, делалось снисхождение — разрешили оставаться на казачьих землях, но за плату ремонтной пошлыны. Царизм вполне мог за более чем 60 лет создать для них отдельное Управление, в том числе и с взиманием ясака, о котором неоднократно заявляли и сами казахи, опасаясь возможных высылки из «жилой» стороны.

Действия царской администрации не могли не вызвать протеста верноподданных казахов. Одним из первых возмутились потомки Шаншара Султанбетова, которые были допущены на внутреннюю сторону царским указом от 17 февраля 1802 г. [5; 510]. В своем прошении от 23 июня 1849 г. «российские верноподданные, кочующие в Томской губернии в Бийском округе, султанский сын Сергазы Буленов Чанчаров, указной мулла казенной мечети Чанчаровой Яхья Рамазанов, почетные старшины Тасыбай Калмурзин и Нурбота Матагулов», ссылаясь на грамоту, выданную российским царем Шаншару Султанбетову, просили оставить их на территории Бийского округа Томской губернии [5; 509–510 об.]. Это была своего рода попытка в такой оригинальной форме избежать принудительного выселения за пределы своих традиционных кочевий.

Царизм никак не мог пойти навстречу просьбам потомков и подданных султана Шаншара Султанбетова, ввиду того, что в условиях середины XIX в. социально-политическая ситуация в данном регионе, а также в сопредельном Казахстане резко изменилась.

Во-первых, в 1847 г. закончилось подавление восстания Кенесары Касымова. Во-вторых, царизм уже предпринимал активные наступательные действия по военному захвату территории Южного Казахстана и Средней Азии. Поэтому не удивительно, что царская администрация к этому времени «забыла» об интересах тех групп казахов, которые были официально допущены на Правобережье Иртыша «по Высочайшему повелению» на так называемую вечную кочевку. В новых условиях царское правительство по отношению к своим подданным стало проводить политику открытого игнорирования интересов представителей национальных окраин. Это можно усмотреть из отношения генерал-губернатора Западной Сибири в адрес исправляющего должность Пограничного начальника сибирских киргизов от 27 июня 1849 г.: «...не находя законных оснований к удовлетворению домогательства помянутых киргиз Чанчарова, Рамазанова, Калмурзина и Матагулова об оставлении их в Бийском округе, я предписываю Вашему Высокоблагородию немедленно объявить об этом просителям за подписками, с тем, что они со всеми подведомственными ими киргизами непременно должны приписываться к одному из внешних округов киргизской степи, о чем прошу Вас... иметь строжайшее со своей стороны наблюдение» [5; 511 об.].

Весьма интересно резкое изменение позиции внутренних казахов к лету 1849 г., когда они, предвидя в скорейшем будущем незамедлительные высылки, открыто изъявляли желание, «чтобы не высылать их на левую сторону Иртыша, в особенности просят не причислять их ко внешним киргизским округам», причем они обязывались «платить ясак скотом в натуре или деньгами, и на отведенной им земле отправлять подводную, земскую гоньбу наравне с русскими крестьянскими селениями» [5; 516].

Пограничное начальство приложило определенные усилия с целью заставить казахов причисляться во внешние округа, так что уже 6 июля 1849 г. в своем рапорте подполковник Спиридонов от имени Пограничного Управления докладывал, что «родственники Уваковской, Басентиновской, Киреевской, Кипчаковской волостей киргизов, известных под именем верноподданных, рассеянных на кочевке в жилой стороне, ныне в Присутствии Пограничного Управления, приняв присягу, изъявили полное согласие на причисление во внешние округа, по собственному избранию, соглашаясь с родоприсхождением и совместностью кочевьев киргизов, состоящих уже в округах...» [5; 512].

Но на деле выселить казахов во внешние казахские округа было делом почти невозможным. Во-первых, более чем для 16 тысяч хозяйств верноподданных казахов, долгое время не проживавших во внешних округах, уже трудно было предоставить земли на Левобережье Иртыша. Во-вторых, царизм не мог не думать о том, что «многие из внутренних киргизов, успев обзавестись домами, построить загоны для скота ...должны были все это бросить, и, вообще, понести большое разорение от перемены места жительства». В-третьих, земли, где кочевали верноподданные казахи, в это время не были заняты ни казаками, ни крестьянами Горного ведомства [6; 109].

В случае невозможности оставить казахов на Правобережье Иртыша, казахи просили перевести их на луговую сторону левого берега Иртыша, которую «казаки Сибирского линейного казачьего войска издавна присвоили себе на десятиверстном расстоянии по реке» [7].

Вместе с тем эти и другие обстоятельства не могли заставить царизм сильно форсировать политику по немедленному выселению приписанных к внешним округам станичных казахов.

Отчаявшись образовать на внутренней стороне Степную Думу, отдельные группы казахов время от времени пытались создать здесь уже отдельные волости. Например, в декабре 1850 г. ряд старшин и биев Иргенекты-Уаковской волости, приписанных к Акмолинскому и Аягузскому округам обратились с подобным предложением к генерал-губернатору Западной Сибири. Но неудачно, потому что, как всегда, царизм старался не допускать создания на внутренней стороне любых административных образований казахского населения, в том числе и волостей [8].

Неудачные попытки казахских султанов и старшин коллективно защитить свои права посредством создания своего Управления в виде Степной Думы и полный провал попытки создания законодательных основ своей внутренней организации не могли не привести к плачевным результатам, так как казахи против их воли «причислялись» во внешние казахские округа со всеми вытекающими отсюда негативными для них последствиями. Теперь «незаконно» перекочевавших казахов внешних округов, к которым относились и бывшие верноподданные казахи, обвиненных, допустим, в конокрадстве, можно было преспокойно выселить за линию. О правильности наших доводов свидетельствуют следующие факты: в 1852 г. распоряжением генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорда все казахи внутренних округов, в том числе и бывшие верноподданные, были выселены на степную сторону [8; 9]. Очередное массовое выселение казахов внутренних округов, оказавшихся в 1849 г. жителями внешних округов, состоялось 19 марта 1854 г. [9]. Лишь только создание Семипалатинского внутреннего округа на территории Томской губернии, последовавшее 19 мая 1854 г., спасло остатки верноподданных казахов от очередного массового выселения [10].

Но, забегаая вперед, отметим, что особенности управления данным округом не отвечали насущным интересам большинства внутренних казахов.

Итак, на всем протяжении конца XVIII – середины XIX вв. интересы верноподданных казахов выражали влиятельные султаны и старшины родов. Если вплоть до начала 30-х годов XIX в. они защищали интересы своих подданных в традиционной для них форме управления степняками, без создания каких-либо управленческих структур, то ближе к середине 30-х годов они начали требовать образования Степной Думы на Правобережье Иртыша. Для конкретизации их прав и обязанностей они предлагали подвести некоторую законодательную базу, выдвигая некий проект, представляющий симбиоз «Устава о сибирских киргизах» и «Устава об инородцах». Но царизм, движимый изменившимися социально-политическими обстоятельствами, на протяжении почти 20 последующих лет проводил политику игнорирования их просьб, что не могло не привести к падению авторитета и ослаблению влияния султанов и родовых старшин. Примерно с середины 40-х годов XIX в. единый лагерь верноподданных казахов начал разрушаться. Представители отдельных родов сами, на своем уровне, начинают защищать только лишь собственные узкие родовые интересы. Подобная неуправляемость не могла не вызвать и традиционного в таких случаях конокрадства и грабежа со стороны казахов по отношению к крестьянам. Среди казахов внешних округов, прикочевывавших

к верноподанным казахам, могло быть немало конокрадов, которые в условиях полной неуправляемости находили чуть ли не идеальные условия для своего преступного ремесла.

References

- 1 *Bronevsky S.B.* About Kirghiz kaysakah Middle Horde // Domestic notes. — St. Petersburg: Prosveshchenie, 1830. — № 121. — P. 194 (180).
- 2 *Krasovsky M.* Field Siberian Kirghiz. — St. Petersburg: Prosveshchenie, 1868. — Part 2. — 228 p.
- 3 *Babkov I.F.* Memories of my service in Western Siberia 1859–1875 y. — St. Petersburg: Prosveshchenie, 1912. — 575 p.
- 4 CSHA. — F. 1291. — I. 81. — F. 29. — P. 25.
- 5 SAOR. — F. 3. — I. 1. — F. 1112. — P. 59–59.
- 6 *Krasovskii M.* Field Siberian Kirghiz. — St. Petersburg: Prosveshchenie, 1868. — T. 1. — 228 p.
- 7 *Rusanov I.* About transition Kirghiz kaysak in Tomsk province in the XVIII century // Tomsk regional news. — Tomsk, 1862. — N 33. — 26 August (4). — 585 p.
- 8 CSARK. — F. 374. — I. 1. — F. 2303. — P. 1–3.
- 9 SAOR. — F. 3. — I. 3. — F. 4430. — P. 2–4.
- 10 *Zavalishin I.* Description of Western Siberia. Siberian-Kirghiz steppe. — Moscow: eds. Islands rasprostr. poleznyh Books, 1867. — Vol. 3. (53) — 145 p.

З.Е.Қабульдинов

Ертістің Оң жағалауында орналасқан қазақтардың ұлттық өзін-өзі басқару жүйесін құру талпыныстары

Мақалада XIX ғасырдың бірінші жартысында орын алған Ертістің Оң жағалауында орналасқан қазақтардың ұлттық өзін-өзі басқару жүйесін жасау туралы әрекеттері зерттелді. Еңбек жазба және мұрағат деректер негізінде жазылған. Проблемалық жағы Ертістің Оң жағалауында орналасқан қазақтардың өзінің жеке Басқаруының болмауымен байланысты. Автор алғашқы көшулерден бастап 1854 жылға дейін қазақтардың өздерінің Басқармасының болмауы сияқты бірегей жағдай болғанын көрсетті. Соңында Алтай тау аймағы, Қазақ, Тобыл және Том губернияларының аймақтық биліктері сияқты түрлі қоршау жағдайында шын бағынған қазақтардың өздерінің маңызды құқықтарын қорғауын күтпейтіні анықталды.

Z.E.Kabuldinov

The problem of trying to create a Right bank of the Irtysh Kazakhs autonomous body of the national administration

In this article the author examines the problem of trying to create a right bank of the Irtysh Kazakhs autonomous body of the national administration in relation to the first half of the XIX century. The work is based on written and archival sources. Problematic aspect is related to the lack of an independent Administration of the Kazakhs of the right bank of the Irtysh. The article emphasizes the fact that, since the beginning of the first transition, until 1854 there was truly a unique situation where the Kazakhs had a separate Administration. And finally, in the environment by different agencies: the Altai mining district, and the Cossack district authorities of Tobolsk and Tomsk province, the most loyal subjects of the Kazakhs emerged an urgent need to protect their basic rights.